

12+

Менька

и

НАСЛЕДСТВО ВРЕМЕНИ

История о семье,
дружбе и волшебстве,
которое живёт
в сердце

КРИСТИНА ГРАДОВА

Кристина Градова

Яленька и наследство времени

«Издательские решения»

Градова К.

Яленька и наследство времени / К. Градова — «Издательские решения»,

Действие книги происходит в городе Фрунзе Киргизской ССР. Главная героиня — восьмилетняя девочка Яленька, которая вместе со своей семьёй живёт в переулке Дорожном. Случайно обнаружив странную гостью на поляне, девочка попадает в удивительное путешествие, где прошлое, настоящее и будущее переплетаются между собой. Вместе со своей верной собачкой Тошкой Яленьке предстоит разгадать тайну семейной реликвии...

© Градова К.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Вот так незадача!	7
Глава 2. Брошь	13
Глава 3. Судьбоносная встреча	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Яленька и наследство времени

Кристина Градова

Иллюстратор Юлия Кашуба

© Кристина Градова, 2026

© Юлия Кашуба, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-8650-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Моей маме — Ольге Анатольевне
Покотенко (в девичестве Капкиной).**

Эта книга появилась благодаря воспоминаниям, которыми ты делилась со мной, и тому тёплому миру моего детства, который ты создала с такой любовью.

Спасибо тебе за доброту, заботу и за то, что научила меня видеть чудеса в самых простых вещах. Именно они спустя годы превратились в страницы этой истории.

С любовью и благодарностью.

Пролог

Давным-давно, в сердце горной Киргизии, когда её столица ещё носила имя Фрунзе, в 1957 году родилась маленькая девочка по имени Яло. Это было тяжёлое послевоенное время, когда каждая семья заново отстраивала свою жизнь, цепляясь за клочок надежды, за каждый солнечный день.

Дом, в котором предстояло жить Яленьке, её маме и родным, возводился своими силами — кирпич за кирпичом, саман за саманом. Эти самодельные кирпичи, высушенные под палящим солнцем, делали из глины и сена, придавая им форму в деревянных опалубках. Дом строился на две семьи, с отдельными входами и дворами, а чуть позже во дворе появилась небольшая «временка» — летняя кухня, где тёплыми вечерами пахло жареными пирожками и дымом из контрамарки.

Мужчин в семье почти не осталось — война вырвала их из этого мира, оставив женщин справляться со всем самим. Во дворе хлопотала бабушка Паша, строгая, но справедливая. Рядом с ней неутомимо трудились её три дочери, среди которых была и Варя, мама Яленьки. Они работали с рассвета до заката, не покладая рук — стройка, хозяйство, бесконечные домашние хлопоты.

Маленькую Яленьку не баловали. Игрушек у неё было немного: литые пластиковые пупсы в ванночках, самодельные тряпичные куклы, скромные самоделки, которые она сама придумывала. Из сладостей — лишь сахарные подушечки «Дунькина радость», а в праздники — те же подушечки, но посыпанные редким какао. Когда девочка подросла, её отдали сначала в ясли, а потом и в детский сад. Пять дней в неделю она проводила в группе с ночёвкой и лишь на выходные возвращалась домой к маме.

Яленька всей душой ненавидела садик. Ей казалось, что дни там тянутся бесконечно, что стены давят на неё, а воспитательницы хоть и добрые, но строгие. Однажды она даже решилась на отчаянный поступок — рассказала маме, что воспитательница её бьёт.

На следующий день, когда девочка вновь пришла в детский сад, воспитательница неожиданно вынесла в группу большое, румяное яблоко. Оно было таким спелым, таким красивым, что у детей засветились глаза.

— Дети, как вы думаете, кому это яблоко? — спросила воспитательница, прищурившись. Ребята начали угадывать, перешёптываясь, но воспитательница покачала головой.

— Это яблоко — для Яленьки, — объявила она наконец и, протянув его девочке, тихо спросила ей на ухо:

— Яленька, а когда это я тебя била?

Лицо малышки вспыхнуло. Она почувствовала, как жар заливает её щёки, как комок стыда подкатывает к горлу. Ей нечего было сказать. Она лишь сжала яблоко в руках и опустила голову. С той самой минуты Яленька твёрдо решила, что больше никогда не будет клеветать на людей.

Прошли годы. Жизнь текла своим чередом. Яленька выросла, пошла в школу, научилась справляться со всеми домашними обязанностями. Она носила тяжёлые вёдра воды с колонки, подметала двор, кормила кур, стирала, помогала маме в бесконечных заботах. Она росла в этом мире, полном труда и ответственности, но где-то глубоко в сердце всё ещё жила та самая маленькая девочка, которая, стоя посреди группы с яблоком в руках, впервые осознала, что каждое слово имеет вес.

Глава 1. Вот так незадача!

Весна, 1965 год

г. Фрунзе

Город Фрунзе просыпается. Солнце уже всю хозяйничает в переулке Дорожном, заливая его ярким-ярким светом. Воздух гудит от петушиных криков и доброго утреннего шума: кто-то уже моет посуду, кто-то выносит мусор, кто-то полет в огороде и занимается поливом. С характерным скрипом распахнулась калитка дома номер восемь, и на улицу, шурясь от солнца, вышла девочка лет восьми. В руках у неё болтались два огромных, тяжелых ведра.

Её звали... ну, давай представим, что её зовут, например, Яло. Яленька, если ласково. Две тонкие русые косички торчали в разные стороны, а из-под них выглядывали смешные ушки. Её глаза зелёного оттенка с вкраплениями серого и голубого цвета щурятся от яркого весеннего солнца. Сегодня суббота, можно было бы спать до самого обеда! Но мама разбудила её ни свет ни заря фразой: «Пора вставать, без твоей помощи нам не справиться!».

Яленька вздохнула и побрела по пыльной дороге, ведра неприятно громыхали на ходу, и бились о ноги. Она шла к колонке, за водой. Жила она с мамой и старенькой бабушкой, а папа остался где-то далеко. Взрослые сами разбираются со своими делами, это девочке было понятно.

Вдруг её догнал соседский мальчишка. Он был немного младше, и ему повезло — он тащил всего один железный чайничек. «Привет!» — весело крикнул он. Яло лишь молча кивнула в ответ ускорила шаг. Ей было не до разговоров, казалось, что мир несправедлив. За этими мыслями девочка и не заметила как дошла до колонки.

«Яло, Яло! Я тебя догнал!» — его голос был слишком бодрым для субботнего утра.

Яло молча переставила ведра, делая вид, что не слышит. Она ловила себя на мысли, которая жгла её изнутри, как этот летний солнцепёк. Почему так несправедливо? Ей всего восемь, а она уже таскает эти неподъёмные ведра, от которых потом болят руки и спина. А Толик, которому семь — целых семь! — весело трясёт своим маленьким чайничком, будто идёт за ягодами. Его дома берегут, жалеют. А её мама только и говорит: «Ты у меня большая, ты у меня помощница». И бабушка старенькая... А кто поможет ей, Яло?

«Яло, а хочешь, я тебе помогу и доведу до дому?» — Толик заглянул ей в лицо.

«Отстань, — буркнула она, с силой ставя на землю полное ведро. Вода из него хлюпнулась на землю. — Мне не нужна помощь».

Особенно твоя, добавила она про себя. Особенно его, лёгкая, необременительная помощь. Ей было обидно, но обижалась она не на него, а на всю эту несправедливость. На самом деле, Толик был ей даже симпатичен. Просто ей хотелось, чтобы и её кто-то пожалел, чтобы она могла, как Толик, нести один маленький чайничек и беззаботно смеяться.

Она с трудом подняла тяжеленные вёдра. Руки тут же налились свинцом. Неунывающий мальчик засеменил рядом, его чайничек весело позвякивал на ходу. А вёдра Яло оглушительно грохотали, и этот грохот был похож на звук её собственной обиды. Это ничего... всё пройдёт.

Яленька с легким скрипом распахнула выкрашенную тёмно-зелёной краской калитку. Девочка впустила за собой в густую тень двора атмосферу весны: золотую пыльцу с тополей, густой, медовый запах цветущей акации перемежающийся с терпким запахом шиповника, что растёт прямо у входа. Она отставила вёдра у крыльца, и прохладная вода, вся в солнечных зайчиках, ещё долго плескалась, оставляя капельки на железных стенках. И тут, сквозь этот ансамбль весенних запахов, её поймало и потянуло за собой нечто другое — плотное, тёплое, пшеничное дыхание из распахнутого настежь окна. Оно было густым, как сам воздух на кухне, и пахло румяными блинами — маслянистой корочкой, паром от сковороды и сладковатым духом све-

жего теста. Это бабушка Паша уже поворачивала на сковородке очередной блинчик, и Яленька, забыв про усталость, уже бежала по тёплым доскам кухни навстречу ароматным яствам.

Строгий взгляд бабушки Паши, острый и пригвождающий, остановил Яленьку, словно невидимой преградой. Девочка замерла в недоумении, на мгновение растерявшись, но тут же всё поняла: её ладони, только что державшие железные ручки ведер, были в пыли и дорожной почве. Вздохнув, она развернулась и нетерпеливо зашагала к рукомойнику.

Этот незамысловатый механизм всегда казался ей маленьким чудом. Железный бачок с торчащей вниз пимпочкой-кнопкой висел на стене, весьма практичный и экономный. Яленька ловко нажала на пимпочку снизу вверх — и вот уже холодная струйка, подчиняясь законам физики, выплеснулась ей на руки. Влагив хватало ровно на то, чтобы смочить ладони, хорошенько натереть их скользким, душистым обмылком, а затем, нажав на пимпочку снова, смыть мыльную пену. Вся вода — капля в каплю — уходила в подставленное мягкое железное ведро. Ничего не пропадало зря.

Промокнув руки о подвешенное рядом вафельное полотенце, девочка стрелой помчалась обратно. Нет, она терпеть не могла ждать, пока бабушка выложит на тарелку высокую стопку! Самое волшебство было в том, чтобы схватить еще шипящий, пузырчатый блинчик прямо со сковородки. Она ловко подцепляла край, обжигая кончики пальцев, сдувая жар, и отправляла в рот обжигающий, невероятно вкусный блинчик. Слезы выступали на глазах от температуры, но это был восторг — чувствовать, как тает во рту это сладкое, пропахшее маслом и жаром тесто. Бабушка Паша только качала головой, сдерживая улыбку, и снова наливала на сковородку новую порцию теста.

Наевшись горячих блинчиков и запив всё сладким, душистым чаем, Яленька отправилась в огород — её ждал список дел, которые нужно было успеть сделать до обеда. Она была главной помощницей в доме, и это звание обязывало. Всё потому, что её мама с утра до вечера не знала покоя: по будням она работала на швейной фабрике, а по выходным, чтобы свести концы с концами, обшивала почти всех местных модниц прямо у себя дома.

Комната мамы была особым миром, полным тайн и строгих правил. Здесь всегда витал особый запах — смесь новых тканей, душистых тоненьких обмылков для намётки и чуть уловимой пыли от ниток. На столе, рядом с гудящей швейной машинкой и оверлоком, лежали простые карандаши, булавки торчали из игольницы-ёжика, а на видном месте покоились тяжёлые портновские ножницы — главная святыня, которую никому не позволялось трогать. По выходным в дом приходили нарядные, пахнущие духами женщины. Они важно проходили в комнату, дверь за ними закрывалась, и из-за неё доносился приглушённый гул серьёзных разговоров, шелест тканей и шелест сантиметра. Яленька в такие моменты старалась быть невидимкой. Она твёрдо знала: мама работает, и мешать ей нельзя.

С этим чувством лёгкой ответственности, согревавшим изнутри, Яленька поспешила в огород. Её важным заданием на сегодня были куры, которых нужно было накормить, грядки с густой зеленью, требующие полива, и двор, который предстояло подмести, сметая пыль, травинки и пух с тополей. Каждое дело было знакомым и ясным, ещё одним кирпичиком в общем укладе их жизни, который она бережно помогала выстраивать.

Первыми её встретили куры. Едва скрипнула дверь курятника, как они, словно опилки, гонимые ветром, посыпались к её ногам, встревоженно и деловито кудахча. Яленька щедрой горстью бросила им зерно, и тут же начался неспешный, размеренный пир — важные квочки, не поднимая голов, методично долбили клювами землю, а задорные молодые петушки гонялись друг за другом, поднимая легкую суету и солнечную пыль. Девочка постояла, слушая это миротворящее кудахтанье.

Затем настал черёд грядок. Водопровода не было, и девочка, подойдя к кадлушке, зачерпнула воду жестяной кружкой и стала наполнять лейку. Вода из ведер была прохладной, тяжелой, от нее пахло деревом и дождевой влагой. Плеск и звон о жесть были единственными зву-

ками в этой тихой работе. Наполнив лейку до краев, она понесла ее к грядкам, стараясь не расплескать ни капли. Яленька двигалась между грядок неторопливо, как добрая волшебница, и веер брызг, ложившийся на листья капусты и бархатистый укроп, заставляя растения кланяться ей в ноги. Каждая капля, задерживаясь на зелени, играла на солнце крохотной радугой, а земля с глухим, довольным шипением впитывала живительную влагу.

И под конец — веник. Широкими, ритмичными взмахами она гнала перед собой пух и сор, собирая их в аккуратную серую кучку. Вязкий аромат нагретой за день пылицы смешивался с запахом огромного старого куста шиповника растущего у калитки. С каждым взмахом двор становился чище, опрятнее, будто сами порядок и покой расстилались вслед за движением её рук.

И когда работа была закончена, Яленька, опершись на черенок веника, окинула взглядом результат своего труда: сытые, успокоившиеся куры, напившиеся свежей воды грядки и чистый, «умытый» двор. И это тихое, тёплое чувство внутри окрепло, превратившись в тихую гордость. Оно было похоже на только что распустившийся цветок — маленький, но бесконечно важный для всего сада.

Подходило время обеда, и все утренние дела были наконец-то переделаны. Яленька, почувствовав волшебный аромат, плывущий из кухни, тут же помчалась туда. Бабушка Паша, вся в муке, как раз выкладывала на деревянную доску пирожки с картошкой и капустой. Пирожки на доске ждали своей очереди в сковороде. А в большой кастрюле на плите булькал борщ с фасолью, от которого исходил такой сногсшибательный запах, что у девочки сразу же потекли слюнки.

— Бабушка, а можно я попробую один пирожок? Самый маленький! — выдохнула Яленька, с надеждой глядя на хрустящие пирожки в масле на сковороде.

— Нет уж, проказница, — строго сказала бабушка, но глаза её смеялись. — Давай-ка без вольностей. За обедом всё по правилам, марш за общий стол!

В этот раз ничто нельзя было стащить со сковородки заранее. Все уселись на свои места, и трапеза началась. В комнате стояла такая тишина, был слышен только уютный стук ложек о тарелки. Яленька, едва проглотив первую ложку душистого борща, тут же повернулась к маме:

— Мам, а можно я после... — начала она.

Но мама, не дав договорить, подняла палец и, показывая на свой полный рот, произнесла старую добрую поговорку: «Когда я ем — я глух и нем! Всё спросишь после обеда...».

Когда последняя крошка была убрана со стола, Яленька, чётко следуя правилам, отнесла все тарелки в раковину. Затем она подошла к матери, остановилась на почтительном расстоянии и, подобрав слова, тихо спросила:

— Мам, а можно я пойду на поляну?

Мама ответила не сразу, словно обдумывая свое решение. Её лицо оставалось спокойным и строгим.

— На поляну? — переспросила она, измеряя дочь оценивающим взглядом. — Все уроки сделаны? По дому помогла?

— Да, да. Я всё сделала.

— Чтобы ровно к пяти вечера ты была здесь. И чтоб ни намёка на порванные вещи или мокрые ноги. Поняла?

— Поняла, — кивнула Яленька, стараясь не выдать своего нетерпения.

— Тогда ступай.

Разрешение было получено. Не смея прыгать или скакать от радости под материнским взглядом, девочка лишь облегчённо выдохнула и быстрыми шагами направилась к двери. Только очутившись на улице, она позволила себе улыбнуться и побежала по переулку к ведущей на поляну тропинке. По тропинке ведущей вниз, в царство свободы.

Поляна и впрямь была прекрасным местом для детворы. Переулок Дорожный, на котором стоял их дом, заканчивался узкой тропинкой. Она была такая крутая, что по ней приходилось спускаться почти бегом, цепляясь за гибкие ветви кустов. Но зато внизу открывался настоящий рай!

Поляна была полна сочной, высокой травы, в которой тонули по колено. Сквозь неё весело бежала небольшая речушка, поблёскивая на солнце. А чуть поодаль, у самой воды, стояло старое раскидистое дерево. Оно протянуло над рекой свою самую крепкую ветвь, словно могучую руку. На эту-то ветвь мальчишки постарше и привязали длинную веревку, а на конце её укрепили удобную деревяшку-перекладину. Так и родилась «тарзанка» — главная забава этой весны! Перелететь с разбега на другой берег, заливаясь смехом от восторга и легкого страха, — о таком мечтал каждый ребенок.

Яленька побежала в переулок, попутно стащив вязаную кофту с крючка и бутылочку компота со стола. Кофта была связана мамой, тёплой и мягкой, с незамысловатым узором. Дверь калитки со звонким щелчком захлопнулась за ней, и девочка пулей помчалась по переулку к поляне.

Её косички развевались на ветру, а руки крепко сжимали стеклянную бутылочку с вишневым компотом. Она перелетела через лужи, обогнула свою любимую болонку Тошку, которая нежилась на солнышке, и притормозила у последнего в переулке дома.

А там её уже ждали! Ребята играли с мячом, а на скамейке у забора с кульком семечек сидела её самая лучшая подружка — Юсенька. На ней было новое красивое легкое бежевое пальто.

Увидев Яленьку, Юся радостно подпрыгнула и замахала рукой.

Юсенька и Яленька дружили с тех пор, как сами были совсем крошками. Их мамы давно знали друг друга и дружили, хоть и жили в разных переулках. А познакомились девочки, когда им было всего два и четыре года.

Именно тогда их впервые сфотографировали вместе у остановки. На старой фотографии видно, что позади малышей стоят совсем молоденькие дубочки — тоненькие и хрупкие, будто их мог сломать даже легкий ветерок. Сами девочки на фото закутаны в теплую одежду, а Яленька в ручке крепко сжимает кулёк с каким-то лакомством, словно самое большое сокровище.

Прошло много лет. Девочки выросли, подросли и их верные друзья-деревья. Теперь дубки стали повыше и покрепче, с густой листвой на кронах. А дружба Яленьки и Юсеньки стала только крепче. Они делились друг с другом всеми секретами, вместе смеялись над смешными историями и всегда поддерживали друг друга.

«Юся! Я принесла компот!» — крикнула Яленька, запыхавшись подбегая к скамейке.

Юсенька сияла. «Ура! А я у меня есть целый кулек семечек, мы еще утром их с мамой нажарили!»

И две подружки, как две половинки одного целого, устроились на скамейке поудобнее, ожидая остальных своих друзей.

Девочки уселись на старой деревянной скамейке и стали ждать. Вскоре подошли тот самый Толик, Лёшка из второго дома, и брат и сестра Валя и Витя. Компания собралась! Яленька делилась душистый вишневым компотом, ребята пили прям из бутылки. Юсенька делилась жареными солеными семечками. Все щёлкали семечки, смеялись и делились новостями — у кого что произошло за день.

Когда компот был выпит, а кулёк опустел, самый старший, Лёшка, предложил: «Ну что? Пошли на поляну? Давайте опробуем новую тарзанку?!»

Вся ватага с радостными криками помчалась к речке. На высоком берегу действительно висела крепкая верёвка с узлом для ног и перекладиной для рук. Ребята по очереди разбегались

и с визгом летели вперёд, чувствуя, как ветер свистит в ушах. Было так весело, что время пролетело незаметно.

Солнце начало клониться к закату, и пора было собираться домой. Но тут Яленька и Юсенька заспорили.

— Я последняя хочу прокатиться! — упрямо сказала Яленька.

— Нет, я! — настаивала Юсенька. — Я сегодня меньше тебя каталась!

Спор разгорался. И вот, не выдержав, Юсенька оттолкнула подружку, разбежалась и прыгнула первой. Яленька даже пикнуть не успела.

Но что это? В самый разгар полёта раздался треск, а потом громкий щелчок! Верёвка на тарзанке... оборвалась!

Юсенька с криком полетела вниз и приземлилась прямо на мягкий глиняный берег речки. Не просто приземлилась, а проехала по нему на своей попе в новом красивом пальто! Она встала вся перемазанная в липкой коричневой грязи. Пальто, которое мама купила ей только в прошлые выходные, было испорчено.

Друзья тут же бросились на помощь. Они пытались оттереть глину листьями и травинками, но от этого грязь только размазалась и получились огромные зелено-коричневые разводы. Стало только хуже.

Юсеньке было очень стыдно. Она стояла, смотря в пол, и думала о том, что зря она так поступила с Яленькой. Может, если бы она не толкалась, ничего бы этого и не случилось.

Вся суета с падением Юсеньки, испачканным пальто и всеобщими попытками его отчистить была такой бурной, что Яленька совершенно забыла о мамином поручении. А мама всегда просила обязательно приносить обратно домой пустую стеклянную бутылку, если девочка брала емкости с напитками с собой на прогулку. Она же была многоразовая, и в ней всегда покупали молоко или кефир.

Когда Юсенька в грязном пальто, всхлипывая, пошла домой, вся ватага друзей, включая Яленьку, бросилась ее провожать и утешать. Яленька, чувствуя себя немного виноватой из-за ссоры, крепко держала подружку за руку, а проводив ее, тоже поторопилась домой.

А в это время на поляне, где ещё недавно звенел детский смех, воцарилась тишина. И в густой траве, у самой скамейки, осталась лежать та самая стеклянная бутылка. Она одиноко поблескивала своими гладкими боками в лучах заходящего солнца... про нее — забыли.

Глава 2. Брошь

Весна, 2025 год

Шумный мегаполис

Тишину утра внезапно разорвал весёлый трезвон будильника. Из-под большого уютного одеяла медленно появилась женская рука и отключила будильник на смартфоне, отложив подъём ещё на целых десять минут. Хитрое весеннее солнышко уже пробивалось сквозь плотные занавески и щекотало ей лицо. Пришлось зарыться с головой в одеяло.

В голове крутилась одна мысль: «Ну всего десять минуточек — и я точно встану!»

За окном вовсю шумел проснувшийся мегаполис, сон понемногу отступал.

Это Эмма... и она уже жалела о своём решении пойти спать за полночь. Виной её недосыпу были отчёты по работе, которые нужно было во что бы то ни стало закончить вовремя. Взрослая жизнь — она такая: полная обязательств и ответственности.

Вздыхнув, молодая женщина кое-как села на кровати и сладко-сладко потянулась. Она потрясла растрёпанной головой, стряхивая последние сновидения. Спросонья пошарила ногами по полу, нашла тапочки и побрела в ванную. По пути её рука сама собой нажала на кнопку чайника — кофе. Ей срочно нужен был кофе.

Эмма встала под упругие прохладные струи воды, которые смыли остатки сна. По-настоящему она проснулась лишь тогда, когда почувствовала вкус горячего сладкого кофе с молоком. Взяв с собой любимую кружку в ванную, она, не торопясь, начала наносить макияж.

Подведя глаза коричневым карандашом и подчеркнув ресницы тушью, Эмма придирчиво осмотрела своё отражение в зеркале.

«У меня мамыны глаза», — подумала она. Глубокие, зелёные, с вкраплениями серого и голубого. Ей вдруг отчаянно захотелось услышать мамин голос.

«Надо сегодня обязательно позвонить маме с папой», — решила она.

Вернувшись в спальню, Эмма начала одеваться. Любимая бежевая блузка, голубая юбка в бежевую клетку — она бросила взгляд в большое зеркало. Мягкий свет от торшера тенями подчёркивал достоинства фигуры. Очень даже неплохо... но чего-то не хватало. Какого-то аксессуара.

И тут она вспомнила.

Брошь-часы. Подарок бабушки, по маминой линии.

Брошь хранилась в красивой деревянной шкатулке, которую также подарила бабушка. Шкатулка пахла старым деревом и какими-то старыми духами, не выветрившимися за долгие годы. Эмма достала её с верхней полки шкафа, щёлкнула маленьким замком и открыла крышку.

На бархатной подушечке лежали милые сердцу безделушки. Эмма аккуратно перебрала колечки и цепочки — и вот она, брошь. Медный цветок георгина с часами производства «Чайка» в центре и россыпью маленьких бордовых камушков на лепестках. Некоторые камушки выпали, оставив крошечные пустоты, что придавало броши старинный, аутентичный вид.

Эмма взяла брошь и хотела аккуратно приколоть её у самой верхней пуговицы блузки. Она уже почти поднесла иголку к ткани, как вдруг...

БАХ!

Раздался резкий звук. Погас торшер у зеркала, на полу заблестели мелкие осколки, и в комнате стало пугающе тихо. Лампочка в торшере взорвалась — и снова выбило пробки.

От неожиданности Эмма сильно вздрогнула. Иголочка броши прошла мимо ткани и впилась прямо в подушечку большого пальца.

— Ой-ой-ой!

Резкая боль — и на коже выступила маленькая, но заметная капелька крови.

И тут началось что-то странное.

Перед глазами внезапно потемнело, будто резко наступила ночь. В животе поселилось неприятное чувство, словно кто-то взял все её внутренности и резко провернул их против часовой стрелки. Всё тело дёрнулось, будто от сильного толчка.

Эмма пришла в себя резко, словно её выдернули из глубокой воды. Воздух был прохладным и пах травой. Она сидела на земле, упираясь ладонями во влажную, ещё тёплую от дневного солнца почву. Сердце колотилось так, будто она долго и без остановки бежала.

— Что... что это было?.. — прошептала она, но собственный голос показался ей чужим.

Она медленно подняла голову и огляделась.

Перед ней раскинулась поляна. Просторная, неровная, с высокой травой по краям и редкими кустами, которые темнели на фоне уходящего дня. Где-то вдали тянулась линия деревьев, а над ней — спокойное, почти безмятежное небо. Взгляд привлекло стоящее чуть поодаль, у самого края речушки, старое раскидистое дерево. Оно протянуло над рекой свою самую крепкую ветвь, а на ней была привязана длинная веревка, на конце её болталась деревяшка-перекладина. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тёплые медные и розовые оттенки.

Всё кажется слишком спокойно.

Эмма машинально обняла себя руками. В блузке стало зябко — тёплый день уходил, а лёгкий ветерок пробирался под ткань, заставляя кожу покрываться мурашками. Погода была обманчиво мягкой, но вечер быстро брал своё.

Она посмотрела вниз — на себе всё та же юбка, та же блузка. Значит, это не сон. Или слишком уж настоящий сон.

Рука сама потянулась к карману юбки.

Телефон.

Когда пальцы нащупали знакомый прямоугольник, Эмма почувствовала странное облегчение. Если телефон здесь — значит, она здесь по-настоящему. Она включила экран.

Связи не было.

Ни одной полоски.

— Ладно... — выдохнула она, стараясь не паниковать. — Спокойно. Сейчас разберёмся.

Она посмотрела на время.

21:47.

Эмма моргнула. Потом ещё раз. Экран не изменился.

— Что?.. — прошептала она.

Этого не могло быть. Совсем недавно... Сегодня утром... Будильник, кофе, зеркало, брошь...

Около восьми утра. Максимум — половина девятого.

Она огляделась снова, уже внимательнее. Поляна казалась... смутно знакомой. Не так, чтобы она могла вспомнить, когда и зачем здесь была, но внутри появилось странное ощущение — будто это место когда-то уже видело её. Или она видела его.

Факты не сходились.

Телефон — при ней.

Одежда — та же.

Время — почти десять вечера.

Связи — нет.

Эмма нажала кнопку вызова. Потом — экстренные службы. Экран безразлично показал: нет сети.

— Да не может быть... — пробормотала она, чувствуя, как внутри начинает подниматься тревога.

Она медленно встала. Ноги немного дрожали, но слушались. С поляны открывался вид на едва заметную тропинку — узкую, словно вытоптанную давным-давно. Ветер колыхал траву, и этот звук вдруг показался слишком громким в вечерней тишине.

— Где я?... — спросила Эмма уже вслух.

Эмма вдруг резко спохватилась.

Её рука сама потянулась к верхней пуговице блузки — туда, где ещё утром она хотела приколоть брошь. Или... была уверена, что почти приколола.

Пальцы нащупали только ткань.

Пусто.

Сердце неприятно ёкнуло.

— Нет... — тихо сказала она и тут же начала лихорадочно ощупывать карманы юбки. Один. Вторым. Она даже присела и провела ладонями по траве вокруг себя, словно брошь могла просто соскользнуть и упасть рядом. Ничего. Броши нигде не было.

Эмма выпрямилась, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна тревоги. Именно в этот момент её взгляд зацепился за солнечный отблеск среди травы.

Это оказалась бутылка. Стеклянная, прозрачная, с металлической крышкой.

Женщина подошла ближе, наклонилась и осторожно подняла её. Внутри бутылки переливались тёмно-красные капли. Эмма нахмурилась.

— Странно...

Она повернула крышку. Та поддавалась легко, с тихим знакомым щелчком. Эмма поднесла бутылку к лицу и вдохнула. Запах из бутылки мгновенно вскружил голову детскими воспоминаниями. Запах бабушкиного вишнёвого компота.

Перед глазами вспыхнуло воспоминание: тёплая летняя кухня, деревянный стол, накрытый клеенкой в цветочек. Бабушкины руки, осторожно разливающие ещё горячий компот по банкам и вот таким же стеклянным бутылкам. И это чувство — когда мир большой, но безопасный, потому что рядом взрослые.

Эмма резко выдохнула.

— Бабушка... — сорвалось с губ почти беззвучно.

Она медленно опустила бутылку и снова огляделась.

Поляна больше не казалась просто поляной.

Тропинка... слишком знакомая. Этот поворот. Этот спуск. Даже трава — будто не просто высокая, а та самая, в которой когда-то путались детские ноги.

А дерево... Эмма подняла взгляд.

Оно было огромным. Старым. С мощным стволом и раскидистой кроной, словно время здесь не просто прошло — оно здесь жило. Ветвь, нависающая над речкой, была толстой, крепкой, потемневшей от лет и дождей.

Речка... Она нахмурилась. В её памяти здесь был узкий, заросший ручей, почти спрятавшийся в камышах и траве. А сейчас вода текла свободнее, шире, отражая закатное небо.

— Это невозможно... — прошептала она, качая головой.

Воспоминания из детства накатывали одно за другим — смех, бег, игры, ручей, дерево... и очень странное чувство в груди тёплое, но такое тяжёлое. Эмма сжала бутылку пальцами.

— Нет-нет-нет. Это просто совпадение. Просто место... просто запах...

Она не договорила свои мысли в слух и ринулась к тропинке ведущей наверх к выходу в с поляны в переулок. Её тело действовало быстрее, чем перегруженный мозг. Она была уверена, что тропинка ведет в переулок Дорожный.

Эмма бежала вверх — к переулку, к домам, к людям и к знакомому месту из своей детской жизни. Сердце колотилось, дыхание сбивалось, но она не останавливалась, цепляясь взглядом за край последнего дома, за тёмный силуэт забора, за всё, что обещало выход.

Ещё немного — и она выберется.

Подъём заканчивался, земля под ногами становилась твёрже, и в этот самый момент мир словно оборвался. Белая вспышка ударила внезапно — плотная и ослепляющая, не как свет, а как пустота, мгновенно стирающая всё вокруг. Эмма вскрикнула, зажмурилась и инстинктивно выставила руки вперёд.

Когда она открыла глаза, первым ощущением была трава под ладонями — влажная, тёплая, слишком знакомая. Эмма резко выпрямилась и огляделась, и внутри что-то болезненно сжалось: перед ней снова была поляна — та же самая, с той же травой, той же линией деревьев и тем же огромным старым деревом у речки. Даже свет остался прежним — медным, закатным, будто время отказалось двигаться дальше.

Эмма промаргалась, словно надеясь, что это просто последствия вспышки, и тут же полезла в карман юбки. Экран телефона загорелся сразу, без задержки: 21:47.

Она уставилась на цифры, потом резко провела пальцем по экрану, будто могла заставить его передумать.

— Что за чертовщина?! — вырвалось у неё вслух, зло и резко, нарушая вечернюю тишину.

Она попробовала снова — на этот раз двигаясь быстрее, но осторожнее, будто боялась спугнуть саму реальность. Шаг за шагом, не отрывая взгляда от тропинки, с одной-единственной мыслью в голове: только бы не опять. Мысль даже не успела оформиться до конца, когда белая вспышка накрыла её снова. Спустя мгновение Эмма уже снова сидела на том же месте, вдыхая тот же травяной запах.

Третья попытка была отчаянной и почти злой. Она побежала через небольшой густой лесок на окраине поляны, не разбирая дороги и не оглядываясь, словно надеялась прорваться силой, обмануть это место, вырваться из него рывком. Ветер бил в лицо, тонкие деревца и трава цеплялись за ноги, сердце колотилось так, что в ушах шумело. И снова — вспышка, возвращение, поляна.

На этот раз Эмма осталась сидеть на траве, тяжело дыша, с дрожащими руками и гулом в голове. Она постаралась успокоиться и дышать размеренно. Мысленно представляя себе большой квадрат, она стала дышать, ведя счёт от угла к углу.

— И раз... (вдох) и два... (выдох) и три... (вдох) и четыре... (выдох).

— Ты не сходишь с ума, — сказала она вслух, медленно, словно убеждая саму себя. — Ты всё видишь. Ты всё помнишь. Значит... значит, это реально.

Она подняла голову и посмотрела на поляну уже иначе. Это не случайное место и даже не ловушка, это нечто удерживающее её здесь намеренно И это НЕЧТО явно не собиралось отпускать её просто так.

Эмма снова нашла и подняла бутылку из под компота. Она устроилась поудобнее прямо на траве, скрестив ноги по-турецки. Её юбка фасона полусолнце послушно разошлась вокруг колен — совсем как тогда, в детстве, когда можно было садиться где угодно и как угодно, не думая о правилах и взглядах со стороны.

Чтобы чем-то занять руки и не дать мыслям разлететься, Эмма начала подкидывать бутылку. Невысоко, осторожно, прокручивая её в воздухе и ловя то за донышко, то за горлышко. Стекло мягко стучалось о ладонь, и этот повторяющийся жест странным образом успокаивал, задавал ритм, возвращал ощущение контроля, пусть даже иллюзорного.

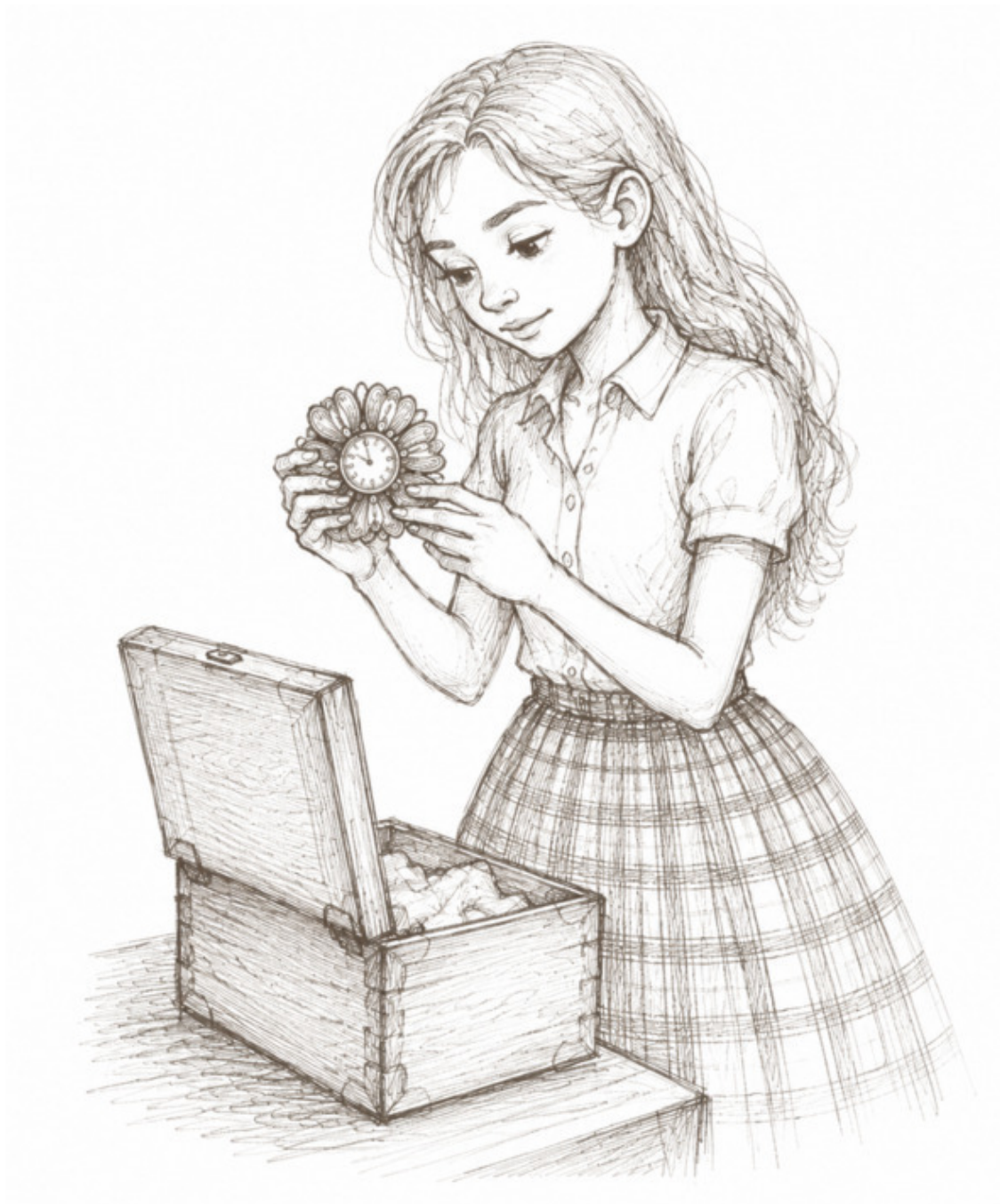
Она не пыталась больше бежать. Не проверяла тропинки. Не смотрела на телефон. Просто сидела и ждала.

Она и сама толком не знала зачем это делает. Но где-то глубоко внутри, на уровне, которому она привыкла доверять, интуиция настойчиво подсказывала: сейчас важно не действовать, а выждать. Словно поляна — или что бы это ни было — должна сделать следующий ход.

Эмма поймала бутылку за горлышко, крепко сжала пальцы и подняла взгляд на выход с поляны. Это ничего... всё пройдет.

Она и сама толком не знала зачем это делает. Но где-то глубоко внутри, на уровне, которому она привыкла доверять, интуиция настойчиво подсказывала: сейчас важно не действовать, а выждать. Словно поляна — или что бы это ни было — должна сделать следующий ход.

Эмма поймала бутылку за горлышко, крепко сжала пальцы и подняла взгляд на выход с поляны. Это ничего... всё пройдёт.

Глава 3. Судьбоносная встреча

Весна, 1965 год

г. Фрунзе

Город Фрунзе жил по весеннему времени, когда закат задерживался почти до половины десятого вечера, и небо ещё долго хранило свет, не желая сразу темнеть. Сумерки подкрадывались медленно, мягко, и лишь ближе к ночи улицы Фрунзе постепенно погружались в спокойную, привычную тишину.

Яленька уже лежала в кровати под одеялом, повернувшись лицом к стене. На соседней кровати спала бабушка Паша, и её дыхание было ровным и глубоким, с той самой ночной хрипотцой, которая появлялась только во сне. В комнате стояли тепло и темнота от задернутых штор. Тишина в комнате была такой плотной, что сквозь неё отчётливо пробивалось тиканье часов в коридоре.

В их семье ложились рано, около десяти вечера. Так было заведено: утро начиналось рано, день требовал сил, и ночь предназначалась для сна, а не для разговоров или игр.

Яленька уже почти задремала, когда мысль пришла внезапно и резко, будто кто-то дёрнул её за край одеяла. Она открыла глаза и замерла, уставившись в темноту. Бутылка!

Воспоминание накрыло её с неприятной ясностью. Она вспомнила, как оставила бутылку на поляне, поставив её в траву и не оглянувшись, когда уходила. Тогда это показалось пустяком, чем-то, о чём можно подумать потом. Сейчас это уже не казалось мелочью.

Утром обязательно будет разговор, причём начнётся он ещё до завтрака. Мама скажет, что Яленька невнимательная, бабушка покачает головой и добавит, что за ней нужен постоянный присмотр. Все эти слова она знала заранее, и от этого внутри становилось только тревожнее.

Она осторожно повернула голову и прислушалась. Дыхание бабушки Паши оставалось ровным, не сбивалось и не менялось, а это значило, что та спит крепко. Яленька подождала ещё немного, мысленно считая секунды, и только убедившись окончательно, медленно села на кровати.

Пол оказался холодным. Она тихо надела тапки, стараясь не шоркать, и на цыпочках вышла из комнаты, прикрыв дверь так, чтобы та не издала ни звука. Внутри жило странное ощущение, в котором тревога смешивалась с решимостью, словно она собиралась сделать что-то запретное, но необходимое.

В коридоре она неожиданно наткнулась на мягкий белый комок и едва не споткнулась. Это была Тошка.

Любимая болонка сидела прямо посреди прохода и внимательно смотрела на Яленьку тёмными блестящими глазами. Хвост уже начал было подрагивать, выдавая готовность радостно откликнуться.

Яленька быстро присела и осторожно обхватила собачью мордочку ладонями, наклоняясь к ней почти вплотную.

— Тш-ш-ш... — прошипела Яленька, приседая и быстро обхватывая собачью мордочку ладонями. — Тошенька, тихо. Нельзя! Ну, пожалуйста.

В ответ собачка фыркнула, лизнула её пальцы и замерла, словно соглашаясь с правилами этой ночной вылазки.

Ещё секунду Яленька смотрела ей в глаза, одновременно строго и просяще, после чего поднялась и пошла к выходу.

Она была уверена, что оставила Тошку в доме, но, едва выйдя во двор и сделав несколько шагов по знакомой тропинке, услышала позади себя тихое цоканье когтей. Яленька обернулась

и увидела, что болонка идёт следом, аккуратно и почти бесшумно, будто всё это было заранее решено.

— Ну ладно... — шепнула Яленька, вздохнув. — Только тихо.

Так они и направились к поляне вдвоём.

Чтобы не рисковать и не выдать себя скрипом калитки, Яленька свернула в сторону забора, туда, где под разросшимся кустом колючего шиповника пряталась её маленькая тайна. Внизу, почти у самой земли, между рейками была щель — неприметная, если не знать, куда смотреть. Когда-то там прогнил гвоздь, дерево рассохлось, и рейка легко отходила, если потянуть в нужном месте. Яленька обнаружила это случайно ещё прошлым летом и с тех пор считала лазейку своей личной дверью в переулок, о которой не знал никто, кроме неё.

Она присела, осторожно отодвинула рейку и, затаив дыхание, протиснулась наружу. Шиповник задел подол ночнушки, тихо шелестя, но не зацепил. Тоша без колебаний последовала за ней, юркнув в щель с неожиданной ловкостью и тут же прижавшись к ноге хозяйки, словно проверяя, всё ли идёт правильно. Забор и двор остались позади, а впереди открылся переулок, знакомый до каждого камешка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.